

ТЕКСТЫ С ДОСРОЧНОГО ЕГЭ 2018 ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ 23 марта 2018

ТЕКСТ 1

Так мы и зимовали в этой комнате с зелёными рамами и низким небелёным потолком (это было в 1923 году под Прагой) у глухой старушки с собакой Румыгой. Зимовали хорошо, тесно, дружно, пусть и трудно.

Главное же, мужественная бедность Марины и Серёжи, достоинство, выдержка и зачастую юмор, с которым они боролись со всеми повседневными тяготами, поддерживая и ободряя друг друга, вызывали у меня такое жаркое чувство любви к ним и соратничество с ними, что уже это само по себе было счастьем.

Счастьем были вечера, которые иногда проводили мы вместе у стола, освобождённого от посуды, весело протёртого мокрой тряпкой, уютно и торжественно возглавляемого керосиновой лампой с блестящим стеклом. Серёжа читал нам вслух; Марина и я, слушая, чинили, латали.

Счастьем была наша семейная сказка-импровизация, которую Марина и Серёжа рассказывали мне перед сном. Это была длинная звериная повесть; начало её, конечно, терялось в юности моих родителей. Серёжа замечательно изображал Льва и Обезьяну, Марина — Кошку и Рысь. Лев был благороден, Рысь — непоседлива и коварна.

Издавна и нежно повелось: Марина звала Серёжу Львом, Лёве, он её — Рысью, Рысихой. Маринины тетради испещрены Серёжинными рисунками: уходя, а чаще всего убегая, «утаптывая», как говорил Лев из сказки, Серёжа набрасывал силуэт Льва, благодарного, пообедавшего, с толстым пузом или привычно тощего; Льва, плачущего крупными слезами или смеющегося во всю пасть, чтобы Марина, раскрыв тетрадь, улыбнулась ему вслед. Марина же подписывала свои письма буквой «Р» и рисовала в виде росчерка длиннохвостую дикую кошку или только ухо её с кисточкой, чуткое ухо Рыси.

Об этих своих счастьях позволяю себе упоминать только потому, что они были островками радости и для моих родителей, передышками на пути теснивших трудностей и нараставших тревог.

Но детские радости лежат на поверхности событий; радуясь чужим святкам, просторам, чужому гостеприимству, дети эмигрантов до поры до времени, конечно, не осознают своей национальной непричастности всему этому, своего национального сиротства и неравноправия. Они верят в сами собой приходящие, не заработанные и не выстраданные чудеса. Я всего-навсего мечтала о том, как найду «кошелёк с двумя миллионами», один из которых отдам родителям, а второй

поделю между бедными русскими студентами, маминой сестрой Асей и Максом Волошиным. Однажды, начав подметать, я нашла бы возле своей кровати клетку с кроликами, с двумя красноглазыми кроликами. Мечты миллионера.

Ариадна Сергеевна Эфрон.

ТЕКСТ 2

Удивление покидает мир. Даже воздухоплавание, даже радио и телевидение больше не удивительны. И можно вперед сказать, что перелет на другие планеты не даст того счастья, той радости, о которой сейчас грезится. Удивление связано с детством человека. Современный взрослый человек рано расстается со своим ребенком: он с двадцати лет взрослый и больше ничему не удивляется. Сказка питается детством, и детство здоровьем, и здоровье дается землею и солнцем. Человеку надо вернуть себе детство, и тогда ему вернется удивление, и с удивлением вернется и сказка. Невозможно? Нет ничего невозможного. Во всяком случае, возникает вопрос: почему современный человек не отказывается от возможности перелета на другую планету и поднимают даже вопрос о физическом бессмертии в будущем, но почему же тогда невозможно вернуть человечеству удивление и сказку?

...Я с себя беру своего маленького героя... Мне удобен мальчик-герой, потому что я же сам, лично будучи от природы сам художником и поэтом в душе, скромным среди великих событий нашего времени, чувствую себя всегда мальчиком и, признаюсь, не сразу дохожу до их смысла, — если же сразу берусь, то неизбежно ошибаюсь. От этого мне легче среди великих событий изображать мальчика, из-за того именно легче, что я сам такой и, когда чего не хватит, буду брать из себя.

...Мне часто говорят, что я знаю хорошо детей и люблю их. Но я знаю, люблю и охраняю только одно, заключенное в себе бессмертное дитя. В этом ребенке и реализован мой талант. Я думаю, что значение моих книг и у нас и дальше — в моем устремлении к детству. Природа у меня как материя детства. ...

В 1905 году я напечатал первый свой рассказик «Дедок» в журнале «Родник». После этой удачи я задумал по совету Е. И. Ончукова поехать на север на Выгозеро. У редактора Альмедингена в «Роднике» я попросил денег на поездку. — Я напишу вам, — сказал я, — о мальчике, попавшем на север, и так опишу север в приключениях мальчика. — Нет, — ответил Альмединген, — напишите просто очерки севера. Я послушался, и с тех пор вот сорок пять лет никогда не расставался с этим мальчиком, и все не мог написать. Вся детская моя литература возникла на этой почве, а, может быть, даже и охотничья. По-видимому, этот мальчик живет у меня в душе, и скорей всего это я сам и ношу его в себе, как беременная женщина. В этом вынашивании мальчика и есть все, чем я богат.

Понимать все на свете можно по-разному, но несомненно нужно одинаково верно понимать человека, чтобы сделать ему радостный подарок. Надо понять человека, чтобы суметь ему подарить. Пониманием любовь начинается и подарком разрешается: он дарит ей, она это дарит всем. Скорей всего люди инстинктом животных чувствуют, что ребенок — это подарок для всех. Новый человек — это ребенок, а если о нем надо рассказывать, то расскажите о взрослом, сумевшем сохранить в себе ребенка.

(по М.Пришвину).

ТЕКСТ 3

(1) Для меня ясно одно: главные участники истории — это Люди и Время. (2) Не забывать Время — это значит не забывать Людей, не забывать Людей — это значит не забывать Время.

(3) Количество дивизий, участвовавших в том или ином сражении, со скрупулёзной точностью подсчитывают историки. (4) Однако они не смогут подслушать разговор в окопе перед танковой атакой, увидеть страдание и слёзы в глазах восемнадцатилетней девушки-санструктора, умирающей в полутьме полуразрушенного блиндажа, вокруг которого гудят прорвавшиеся немецкие танки, ощутить треск пулемётной очереди, убивающей жизнь.

(5) Нам было тогда по двадцать лет. (6) Мы мечтали вернуться в тот солнечный довоенный мир, где солнце казалось нам праздничным солнцем, встающим над землёй изо дня в день по своей непреложной закономерности; трава была травой, предназначенной для того, чтобы расти; фонари — для того, чтобы освещать сухой апрельский тротуар, вечернюю толпу гуляющих, в которой идёшь и ты, восемнадцатилетний, загорелый, сильный. (7) Все ливни весело проходили над твоей головой, и ты был озорно рад блеску молний и пушечным раскатам грома; все улыбки в том времени предназначались тебе, все смерти и слёзы были чужими..

. (8) Весь мир, прозрачно-лучезарный, лежал у твоих ног ранним голубым апрелем, обогревая добротой, радостью, ожиданием любви. (9) Там, позади, не было ожесточённой непримиримости, везде была разлита зеленовато-светлая акварель в воздухе; и не было жёстких чёрных красок. (10) За долгие четыре года войны, чувствуя близ своего плеча огненное дыхание смерти, молча проходя мимо свежих бугорков с надписями химическим карандашом на дощечках, мы не утратили в себе прежний мир юности, но мы повзрослели на двадцать лет и, мнилось, прожили их так подробно, так насыщенно, что этих лет хватило бы на жизнь двум поколениям.

(11) Мы узнали, что мир и прочен, и зыбок. (12) Мы узнали, что солнце может не взойти утром, потому что его блеск, его тепло способна уничтожить бомбёжка, когда горизонт тонет в черно-багровой завесе дыма. (13) Порой мы ненавидели солнце — оно обещало лётную погоду и, значит, косяки пикирующих на траншеи

«юнкерсов» . (14)Мы узнали, что солнце может ласково согреть не только летом, но и в жесточайшие январские морозы, вместе с тем равнодушно и беспощадно обнажать своим светом во всех деталях недавнюю картину боя, развороченные прямыми попаданиями орудия, тела убитых, которых ты минуту назад называл по имени. (15)Мы узнавали мир вместе с человеческим мужеством и страданиями.

(16)Время уже тронуло память: потускнели детали, полузабыты лица погибших, не так остро ощутимы в воспоминаниях запахи развороченных снарядами окопов, ты не пригибаешься инстинктивно на улице при отдалённом звуке отбойного молотка, напоминающем бой крупнокалиберного пулемета. (17)При вспышках праздничных ракет над крышами домов не рвётся из горла невольный крик: «Ложись!» (18)Уже привычно не выискиваешь взглядом место на углу, возле аптеки или универмага (место для огневой позиции с широким сектором обстрела) , а случайно услышанный в сумерках крик ребенка не вызывает в памяти чёрные контуры разбитых деревьев, печную гарь дымящихся развалин, обугленные сады, плач в темноте.

(19)Долгожданный мир (мы шли к нему четыре года) прочно вошёл в сознание — мир с блеском утреннего солнца на мостовых, с шелестом переполненных по вечерам троллейбусов и уютной на рассвете вознёй голубей на карнизах.

(По Ю. Бондареву*).

ТЕКСТ 4

Брестская крепость

22 июня... Двадцать девять лет назад началась война...

С годами подробности больших событий постепенно теряются. Память хранит только узловые драматические моменты. Заговорите о нашествии Наполеона – и сразу вспомнятся Бородино, пожар Москвы, Смоленская дорога. От последней войны не забудутся сражение под Москвой, Сталинград, Севастополь, ленинградская блокада, Курская дуга, Берлин. И это – 22-е число в июне...

Под обвалами Брестской крепости найден будильник. Ему не суждено было прозвенеть утром 22 июня. Помятые взрывом стрелки остановились в четыре часа. За пятнадцать минут до этого немецким репортером сделана фотография: офицеры штаба Гудериана в ожидательных позах возле границы. Светает. Пятнадцать минут до начала войны... Гудериан вспоминал потом: «Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов...»

Первую минуту нашествия видели не спавшие пограничники. Из них мало кто уцелел. Уцелевшие рассказали: «Впереди, за пограничной чертой, на западном

крае чуть светлевшего неба, среди звезд, вдруг появились красные и зеленые огоньки. Они усеяли собой весь горизонт. С их появлением оттуда, с запада, донесся рокот множества моторов. Сотни самолетов с зажженными бортовыми огнями стремительно пересекли границу». А в это время в Брестской крепости у чьей-то кровати мирно двигались стрелки будильника...

Что было потом с крепостью, никто не мог рассказать. И только случайно во время войны из захваченных документов немецкого штаба стало известно: «Русские и Брест-Литовские боролись исключительно упорно, настойчиво, они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к борьбе». И более позднее свидетельство немецкого генерала: «Там мы узнали, что значит сражаться по русскому способу». Заметим, речь идет не о Сталинграде, не о Курской дуге и Севастополе. Речь идет о самой первой минуте, о первых неделях войны...

На снимках Брестской крепости мы видим обычно лишь малую центральную часть ее. Мысленно надо продолжить и замкнуть кольцом двухэтажный кирпичный пояс казарм. Разрушенная церковь-клуб стоит в центре почти двухкилометрового кольца цитадели. Сегодня кольцо во многих местах разорвано.

До сорок первого года оно было сплошным, с тремя воротами. Крепость окружена водой двух сливающихся в этом месте рек: Западного Буга и Мухавца. На двух островах, прилежащих к острову-цитадели, – продолжение крепости: валы, мощные укрепления, обводные каналы. Когда-то здесь стоял город Брест. Его перенесли в сторону и на этом очень выгодном для обороны месте поставили крепость.

Прошло сто тридцать лет со дня окончания громадного по тем временам строительства. Крепость со множеством укреплений, валов, казематов и подземных каменных сооружений была неприступной, пока существовали гладкоствольные пушки. Постепенно крепость теряла неуязвимость. С появлением авиации и тяжелых фугасных снарядов крепость перестала быть крепостью в старом понимании слова и была местом расположения армейского гарнизона. Стоит крепость на самой границе. Лента воды отделяет ее от зарослей, в которых немцы в канун вторжения накапливали артиллерию, пехоту и средства для переправы. Нельзя сказать, чтобы с нашего берега этого не заметили. Кое-кто из командиров открыто говорил о близости войны. Но из Центра приходил неизменный приказ: «Сохранять спокойствие, усилить наблюдение» – Москва хотела всеми силами оттянуть роковой день, не дать повода к нападению. 21 июня в Брестской крепости были пойманы переодетые в красноармейскую форму диверсанты. Позже оказалось: в крепость проникло большое число диверсантов.

В ночь на 22 июня они резали электрические провода, занимали выгодные позиции для стрельбы...

«22 июня под утро я поднялась покормить годовалую девочку. Тронули выключатель – лампочка не зажглась. Я прилегла – и вдруг гром, свет, рама упала

на пол... Муж, схватив португеею с наганом, успел только поцеловать меня и сказать: «В подвал! Детей держи возле себя. Война...» Больше я его не увидела...» Этот маленький эпизод первой минуты войны я записал со слов Лидии Михайловны Крупиной, приехавшей из Магадана «навестить места 41-го года».

Считаное число людей осталось в живых из тех, кто был участником или свидетелем героической драмы. По их рассказам, по найденным в развалинах останкам, оружию и документам прояснилась после войны картина многодневной схватки на берегах Буга и Мухавца. Глядя на снимок, мы можем представить сейчас место, где на резиновых лодках после артиллерийской бомбежки переправились немцы. Они ворвались в ворота цитадели. Сразу же захватили ставшую теперь руинами церковь-клуб. Отсюда удобно было держать под обстрелом двор цитадели. Отсюда гитлеровцы вели по радиоуправление артиллерийским огнем. И казалось – все! К половине дня, как намечалось планами, крепость падет. Но после первых минут замешательства крепость вдруг ошетилилась огнем и штыковыми ударами.

И все пошло не так, как наступавшие предполагали. Пришлось отказаться от лобовой атаки и начать осаду. Фронт ушел далеко на восток, а тут, возле самой границы, били тяжелые, полуметрового калибра пушки. Самолеты бросали двухтонные бомбы, в перерывах между бомбежками вкрадчивый голос из репродуктора уговаривал сдаться. Но как только все утихало и поднимались немецкие автоматчики, крепость давала бой. Силы были неравными. Против самолетов, против танков и тяжелых орудий у осажденных были только винтовки и пулеметы. Кое-где не хватало даже винтовок.

Люди не знали, как сложилась война. Окруженные со всех сторон, первые два дня они ждали помощи. Радисты непрерывно посылали в эфир позывные, пока не кончилось питание в батареях. Потом стало ясно: смерть придется встречать в этих стенах. Было несколько попыток прорваться. Возвращались, оставляя убитых товарищей. Так день, и два, и три... Есть кадры немецкой хроники: дым, обвалы, обезумевшая белая лошадь в дыму и тени автоматчиков. Немцы несли большие потери. Эта «крупная остановка» на фоне победного наступления по всем фронтам их раздражала. И с каждым днем все тяжелее становились удары снарядов и бомб.

Все меньше защитников оставалось в крепости. Тут вместе с ними были дети и женщины, тут же умирали раненые. Кончились патроны. Не было пищи, не было воды. Вода текла от стен в десяти метрах, но добыть ее было нельзя. Смельчаков, ночью рискнувших ползти к берегу с котелками, сейчас же настигали пули. Пробовали рыть в казематах колодцы, на веревках бросали в реку простыни, подтянув назад, выжимали из них в котелок грязную жижу. Из-за гари, пыли и трупного смрада невозможно было дышать. Но как только немецкие автоматчики поднимались, обреченная крепость открывала огонь. Уже пал Минск. 16 июля немцы вошли в горящий Смоленск, а крепость продолжала бороться.

В десятки раз превосходящие силы немцев расчленили оборонявшихся, но не могли их сломить. К бойницам и амбразурам подвели огнеметы. Нельзя без содрогания думать о том, что было в подземных казематах. Кирпич от огня и тот плавился и застывал черными сосульками. Крепость истекала кровью, но не сдавалась.

До двадцатых чисел июля в крепости не стихали взрывы гранат и выстрелы. Кое-где огонь вели уже одиночки, оставлявшие для себя последний патрон. На стенах спустя три года мы прочитали последние слова, обращенные к нам: «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20/VII-41».

Это было только начало войны.

Никакой памятник не может сообщить человеку большего волнения, чем изуродованные взрывами, изъеденные пулями и осколками, опаленные красные кирпичи крепости. Стена цитадели местами исчезла, местами проломлена. Приходящему сюда покажут, где было зарыто знамя полка, где у стены был расстрелян немцами комиссар Фомин, покажут похожий на огромную подкову героический Восточный форт, которым командовал человек удивительной воли и мужества – майор, ныне Герой Советского Союза Петр Гаврилов. Стоят в центре крепости величественные руины церкви-клуба. Камни и кирпичи поросли березками и бурьяном. Гулкий и жутковатый холод идет из подвалов. После сильных дождей то в одном, то в другом месте вдруг оказываются позеленевшие патроны, белые кости, оружие...

Из семи тысяч стоявших тут насмерть в живых осталось немногим больше трехсот человек. Все они после войны побывали в крепости. Встречались и узнавали друг друга. Видавшие эти встречи рассказывают: седые, немолодые теперь уже люди, обнявшись, рыдали и становились на колени около опаленных стен...

В крепости каждый год бывает полмиллиона людей. Тут проводятся слеты и встречи. Но мы все еще недостаточно хорошо поняли, как велика цена этих красных развалин. Они нам дороже любого мраморного дворца.

Тут не надо наводить лоск, делать дорожки и цветочные клумбы. Но надо, не скупясь на затраты, бережно сохранить эти стены. И они будут вечно служить делу, во имя которого люди умерли тут летом 41-го года.

1970 г.

Василий Песков.

ТЕКСТ 5

Дыхание Севера

Вот три дня из поездок на Север. Стоим на причале в Карелии, ожидаем прихода «Ракеты», чтобы плыть к знаменитым Кижам. Всех радует предчувствие момента, когда увидим старинную деревянную церковь. Стоящий со мною рядом мужик в старой, но чистой гимнастерке с медалями говорит: «Ну сними, сними вместе с внуком. Помните, какой день сегодня? В этот день двадцать лет назад началась война». И вдруг стал читать стихи: «Тот самый длинный день в году/ С его безоблачной погодой/ Нам выдал общую беду/ На всех, на все четыре года». Я тогда не знал, что это стихи Симонова. И, может, поэтому сильные строчки врезались в память...

Сели на судно. И я вспомнил, как началась война. В этот воскресный день мы сидели на крыльце около патефона. Крутилась пластинка с песней «Зашумели, загудели провода». И вдруг веселая мелодия оборвалась. Иголка патефона, царапая пластинку, остановилась. Мимо крыльца шли с поезда озабоченные люди и говорили: «Война... Война...»

- Что ты притих? - сказал теперь сидящий рядом мужик с медалями. - Вспомнил, говоришь? Сколько тебе было тогда?

- Одиннадцать лет...

- Да, в памяти много всего осталось...

- Подойдем к окошку. Вон из воды уже виднеется верхушка церкви.

«Ракета» летела по воде, словно на крыльях. И вот церковь уже видно: стоит на острове. Видно ее причудливый и торжественный силуэт.

- Ну вот она, наша северная красавица, - говорит мой знакомый и спешит обняться с кем-то из встречающих, возможно, с другом, тоже с медалями.

И вот стоим у храма. Надо его обойти. Не терпится его снять. Но знаю: надо найти верную точку съемки... На маленьком острове, кроме церкви, стоят большие дома, привезенные, наверное, издали, стоит особняком шестикрылая мельница. Но главное - церковь. Я видел её на снимках. Как еще можно снять это деревянное чудо? Три раза обошел кругом - нет новой точки. По острову ходит белая лошадь. Если бы увязать деревянную старинную постройку с лошадью. Но как это сделать? В рюкзаке у меня есть сахар и конфеты. Попробуем «уговорить» лошадь... Она съела зеленую веточку вербы, потом увидела на траве сахар. Равнодушно съела его. Но через полчаса лошадь стала щипать траву в нужном мне месте. Теперь не спугнуть ее фотокамерой. Мешают паломники. Машу им рукой - «Ни шагу!...» Лошадь щиплет траву. Но мне нужно, чтобы не лошадь - конь смотрел в объектив! Нужен какой-то незнакомый лошади звук. Навожу камеру и сильно губами издаю этот звук. Лошадь резко оборачивается и действительно выглядит резвым конём. Всё! Делаю несколько снимков на всякий случай, если один, главный, не получится, как хотелось.

Остаток дня до позднего вечера брожу по острову - снимаю мельницу, старинные дома, подходящие теплоходы. Повстречал знакомого спутника с медалями. Он с другом в лодке поплыли на рыбалку. Узнал: они вместе воевали у Ленинграда, а после войны каждый год встречаются. На прощание мой встречный опять вспомнил стихи, на этот раз Пушкина: «Одна заря сменить другую/ Спешит, дав ночи полчаса».

Всю ночь не спал. Было светло, как днём. Но чайки, сидя в воде на камнях, спали. Сами камни были похожи на головы тюленей, всплывших из глубины. А за спиной стояла церковь, молчаливая и загадочная в этой белой ночи.

В другой раз я видел белую ночь на Чукотке. Мы сидели с «оленьим доктором» - так пастухи звали ветеринара Сапрыкина Андрея Гавриловича. Он, подбрасывая в костер тонкие прутья, рассказывал мне о Севере.

- Без оленей этот край был бы сплошной пустыней. Олень и рыба поселили тут человека...

- Ну а вы, прилетевший из Пензы, как вам Север?

- Сначала диким казался. Как тут жить? Потом, когда работал в Нарьян-Маре, стал привыкать, а сейчас, когда полечу к родне, тянет назад. Думаю: как люди живут в городах? Трутся друг о друга, как зерно в ступе, - не продохнуть...

Помолчав, мой собеседник мешает в котле варево и опять начинает говорить об оленях.

- Без оленя тут человек не может жить. В упряжке - олень, в гости за двести верст чукча на оленях ездит. Оленьё мясо - основная еда в тундре. Юрта - оленьи шкуры. Постель в юрте - оленьи шкуры. Кухлянка, шапки, торбаса, рукавицы, непромокаемая летняя рубашка - оленьи шкуры. Мягкая, тонкая и пушистая одежонка на ребятишках - шкура молодого оленька-пыжика. Нитки, которыми мать мастерски шьёт одежду и торбаса, - оленьи жилы. Обычные нитки порвутся, сгниют от сырости - жила не рвется. Ремни на нартах - оленья кожа. Шкурой же подбиты лыжи. Мешок-кукуль, в котором чукча ночует в дороге, - оленьи шкуры. Из шкуры сделан бубен - на празднике поиграть. Даже олений помет чукча собирает и бережет для выделки шкур...

«Стоп!» - сказал я и достал из рюкзака небольшую книжицу, недавно изданную в Москве. Читайте. И указал строчки.

Андрей Гаврилович стал читать и весело смеяться.

- Да, об оленях верно написано. Кто это вам рассказал?

- Как и вы, «олений доктор», - и показал название книжки.

- Всё понятно. Камчатка... Она почти рядом, но я сам не бывал. Об оленях рассказано тут то же самое, что и я говорил...

До утра мы сидели возле костра. Андрей Гаврилович опять говорил об оленях, вспоминал разные случаи.

- Вон стоит олень с большими рогами. Он волка не испугался. Как это было...
Одиноким зверь бросился к важенке, у которой был телёнок. И вот этот богатырь мгновенно прижал волка к земле и держит. Держал до момента, когда пастух бросился на волка с ножом...

Утром нас разбудил вертолёт, летевший от берега в тундру.

- Вертолет - хорошо, самолет - хорошо, а на оленях лучше! - пропел Андрей Гаврилович, вылезая из спального мешка.

Третий снимок сделан тоже на Чукотке неделей позже. Надо было снять караван судов, пришедший с запада Северным морским путем. Мне повезло. Караван задержали льды недалеко от порта разгрузки. Я выбрал место, где скалистый берег Ледовитого океана был живописен и мимо которого обязательно пройдет караван. Важно было не пропустить этот момент.

Ждать пришлось день и ночь. Скоротать время мне помог горностаи. Любопытный зверь, видимо, ни разу не видел человека и стал меня изучать. Через час он уже стал брать из рук колбасу и позволять себя фотографировать около палатки.

Но время текло медленно, и только на второй день я увидел, как корабли тронулись мимо моих скал в порт...

По уговору в поселке меня сразу же должны были отвезти на вездеходе. Машина вовремя пришла, и я увидел, какая радость - приход в эти места кораблей.

Мне рассказали: кончились консервы овощей и фруктов, кончилась картошка. «Кошки, страдая от безвитаминого корма, съели на окнах цветы».

В поселке меня пригласили на обед: «Будет привезенная кораблями молодая картошка». Но не удалось пообедать. Моим друзьям позвонили летчики: «Самолет на остров Врангеля отправляется через час».

Василий Песков